

Россия - 1993 - 6 апр. (14) - с. 12.

К 120-летию со дня рождения Сергея Васильевича Рахманинова

И он был прав

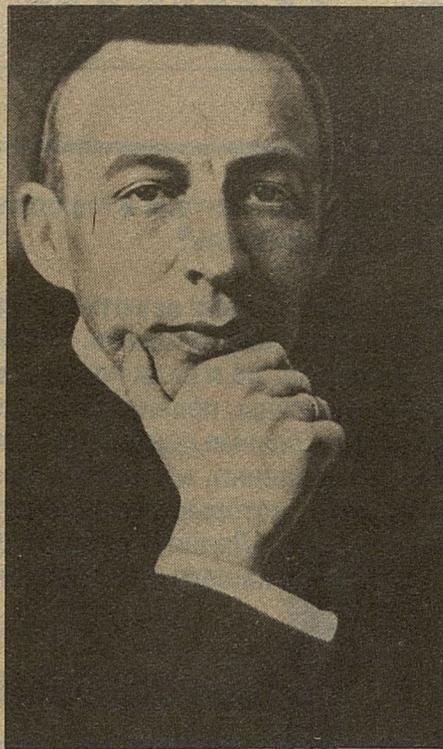
Это было первое официальное признание со стороны советской державы не только таланта композитора, но и самого факта его существования. До тех пор такого композитора для Советской России не было.

Письмо дошло, когда Рахманинов был уже без сознания. Через несколько дней его не стало. Он умер под Нью-Йорком, на чужбине, хотя странно и несправедливо признавать таковой страну, которая дала ему все - приют, признание, славу, стала родной для его детей и внуков. Но она не могла стать Россией.

А в Советском Союзе появился еще один классик русской музыки. Любят у нас мертвых. Тогда, в сорок третьем, конечно, было не до музыки, но уже в сорок пятом организуется пышная конференция, посвященная Рахманинову, концертный сезон проходит под знаком его музыки, в сорок седьмом выходят первые научные труды. Правда, в них судьба композитора обрывается в семнадцатом. А потом он как бы не жил. И нет у него таких сочинений, как «Всеношная», «Литургия»...

Второй раз Рахманинова «открывают» в восемьдесят шестом, когда впервые за годы советской власти его «Всеношная» исполняется не как «opus 37», а под своим названием, и не в церкви, а в Большом зале Московской консерватории.

«Мы приветствуем в вашем лице композитора, которым гордится русская музыкальная культура, величайшего пианиста современности, блестящего дирижера и общественного деятеля» - такими словами начиналось письмо советских композиторов, отправленное Сергею Рахманинову по случаю его семидесятилетия.

Казалось бы, все. Классик. Его именем называют возрожденный зал Синодального училища. Церковные иерархи даже не вспоминают, что в свое время исполнение «Всеношной» было ими запрещено. Проводится конкурс его имени. И все же драма его судьбы не закончена.

Я помню, еще в музыкальном училище преподаватель русской и советской музыки говорил нам: Рахманинов, да он традиционалист и ретроград, так и оставшийся в девятнадцатом веке, он не сделал ничего нового для развития современного искусства. Можно было бы и не вспо-

минать об этом, если бы это было мнение просто недалекого провинциального композитора-авангардиста, подрабывавшего на «вправлении мозгов» молодым адептам. Но все сложнее.

Двадцатый век с его трагедиями и разорванным сознанием, с его безбожием и фанатизмом породил соответствующее себе искусство. Авангард, появившийся как протест против всего официального, сегодня сам претендует на официальное положение, но при этом свое место underground отдавать не собирается. Он хочет быть везде. В композиторской, профессиональной среде рахманиновская ветвь если не совсем задушена, то подавлена. К ней относятся презрительно, как к чему-то сомнительному. «Рахманинов? Он мне не близок, он не умеет развивать свои мелодии». И так обо всем, что осмеливается существовать не в рамках авангардного искусства.

Но те, кто приходит в концертный зал на музыку Рахманинова, не задумываются о том, в каком он веке жил и как к нему относился Сталин. Люди приходят просто слушать музыку. Все остальное для них неинтересно.

«Единственное, что я стараюсь делать, когда пишу, - это заставить ее (музыку. - Ред.) прямо и просто выражать то, что у меня на сердце», - говорил Рахманинов. И он был прав. И ничего другого не нужно.